

Глава 30: Это легендарный "Выход Из Шкафа" {Примечание: Выйти из шкафа-значит раскрыть свою сексуальную ориентацию.}

— На свой 18-й день рождения он пригласил группу парней и девушек, чьи волосы имели окрас зеленого и красного цветов, на пьяную вечеринку взросления дома. Сказав, что, поскольку он уже мужчина (взрослый), начиная с этого дня, он должен оторваться от своей "куриной" идентичности мальчика. Так, сидя на диване в гостиной, он стал близок с молодой леди. Мой третий дядя и третья тетья ушли в тот день на работу и не участвовали в большом празднике. Следовательно, он стал более самонадеянным. Кто бы мог подумать, что в самый ответственный момент, когда он расшнуровывал верх дамочки, мой третий дядя внезапно вернется домой. Оставаясь в армии в течение 30 или 40 лет, мой третий дядя очень старомоден и чист. Придя домой, он все еще был одет в военную форму, как раз вовремя, чтобы увидеть группу молодых людей, дико танцующих вокруг. Оглядываясь вокруг, он увидел, как Лей Цзы прижимается к девушке, и подумал, что он, должно быть, делает что-то противозаконное. Увидев это, мой третий дядя мгновенно вспыхнул. Он достал пистолет и выстрелил вверх, оглушая всех. Группа людей не посмела шуметь, в то время как Лей Цзы все еще была в положении целующегося человека. Мой третий дядя приставил пистолет ему к пояснице сказав, что ему нужно только выстрелить что бы убить его. С этой сценой хаотичная вечеринка завершилась.

Тянь Юань обиженно взглянул на Пань Лэя пившего сейчас большими глотками выпивку. Как он смеет обманывать его, говоря, что не целовал других людей?! Тогда как он объяснит им, что случилось с той девушкой?!

Пань Гэ смеялся так сильно, что все его тело трясло, но он продолжал.

— Мой третий дядя, сильно ругал своего сына с полуночи до рассвета, разглагольствуя от морали до социального хаоса. Это была очень длинная речь. Мы, как старшие братья, также получили нагоняй от третьего дяди за плохое руководство нашим младшим братом. Лей Цзы не отреагировал, опустив голову, выказывая сожаление. Но было уже слишком поздно. Уже был рассвет, когда ругань закончилась. Изначально этот вопрос не вызывал беспокойства. Этот человек, Лей Цзы, никогда не был негодяем, с самого начала, когда он был молод. Но через неделю он собрал всех вместе, включая моих бабушку и дедушку, моих дядей и тетюшек, моих родителей и теток по материнской линии. В гостиной было полно людей. Никто не знал, что происходит. Мгновение спустя он внезапно опустился на колени перед моим дедушкой и зарыдал, как ребенок.

Разбрызгивая вино Пань Чжань засмеялся. Пань Гэ также рассмеялся, стуча кулаком по столу, а Тянь Юань чуть не упал со стула. Рыдал? Пань Лей?

Прямо сейчас, тот, чьи руки и ноги танцуют [1], человек, который храбро сражается на поле боя, а сейчас весело пьет с тремя другими людьми, и тот настолько шумный человек внутри комнаты, которому приятно придирается к людям... будет плакать? {Т/н: [1] 手舞足蹈 | shǒu wǔ zú dǎo - руки и обе ноги танцуют (идиома); танцуя и жестикулируя от радости}

С тех пор, как они встретились, он видел только его серьезное лицо. Или это из-за того что он рычит на него всякий раз, когда он обнимает его, что он показывает ему это суровое лицо? Тот человек, который смеется, как дурак весь день, плачет?

Этот плотный парень 1.89 метровой высоты и, будет плакать? Он действительно был одержим пришельцем?

Он смотрел драму Цюнь Яо [2] в то время? Видел ли он, как Дайю [3] хоронил цветы? {Примечание: [2] 陈若 (Chen Ruó) | 陈若 (род. 20 апреля 1938), наиболее известна под псевдонимом Чен Яо (латиницей также как Чун Яо и Цюнь Яо), является тайваньской писательницей и продюсером и часто рассматривается как самая популярная романист в китайскоязычном мире. Ее романы были адаптированы к более чем в 100 фильмов и телевизионных драм.}

{Т / N: [3] Линь Дайю (также пишется Линь Тай-Юй, китайский: 林黛玉; пиньинь: Линь Дайю) является одним из главных персонажей классического китайского романа Цао Сюэцинь Мечта о Красной Палате(комнате?). Романтика между Дайю и Цзя Баою является одной из главных тем книги. Одним из устойчивых изображений Дайю, часто изображаемых в китайском искусстве и вновь воспроизводимых в китайских операх, является изображение Дайю, хоронящего цветы (главы 27-8). Однажды, охваченный приступом меланхолии после недоразумения с Баою, Дайю отправляется хоронить несколько опавших лепестков на склоне холма и падает в глубокий плач при кончине цветов.}

— Ая! Его плач был таким несчастным. Весь в соплях и слезах. Он хныкал, как трехлетний ребенок. Это было трагическое зрелище. Он повалился и устроил неразумную сцену. Держа дедушку за ноги, как вскочивший на волка, он кричал: “Дедушка, прости, что подвел тебя. Я проклят. Мне стыдно смотреть в глаза предкам.”

— Почему, почему он так сказал? — стало очень любопытно Тянь Юаню. Упомянув о его предках на ровном месте, очевидно, что дело не обычное.

— В детстве, когда его пороли розгой, Лей Цзы только усмехался и все еще мог съесть четыре миски риса. Он никогда не был столь несчастным. Хотя то, что он сделал, было смешно, все расстроились. Все близкие, как пчелиный рой, бросились его утешать и уговаривать, как ребенка, спрашивая в чем дело.

— Лей Цзы продолжала рыдать, стоя на коленях перед дедушкиными ногами. Он выглядел как предатель, признавший себя виновным в своих преступлениях. Он умолял нашего дедушку оправдать его, если он сделал что-то, чтобы опозорить наших предков, а также гарантировать его личную безопасность. Далее он сказал, что боится, что отец убьет его одним выстрелом.

Пань Чжань со смеющимся выражением посмотрел на Пань Лэя, этого ублюдка с довольно ловким умом.

— Дедушка естественно гарантировал, что с его присутствием никто не сможет его наказать. Лей Цзы тогда посмотрел на моего третьего дядю с явным негодованием. Он сказал, что во время своего 18-летия он интересовался молодой девушкой. Но единственный выстрел моего третьего дяди испугал его до такой степени, что его "маленький парень" уменьшился. С тех пор он не мог поднять его вверх. Он чувствовал себя очень неуютно. Всякий раз, когда он видел молодую женщину, он вспоминал, как мой третий дядя стрелял из пистолета, и поэтому он сдерживал себя от симпатии к девушкам. Вскоре после этого он обнаружил, что реакция его тела стала иной сталкиваясь со светлокочим юношей. Пока молодой человек показывал свою шею и обнажал запястье, его "маленький парень" возбуждался. Он также чувствовал, что его тело чувствовало себя очень хорошо, когда он мастурбировал. Он боялся, что мой третий дядя будет угрожать ему, когда он узнает о его гомосексуальности, поэтому он задумал о подобном выходе из шкафа столь грандиозным образом. Может после этого он больше не сможет оставаться в семье Пань, поскольку он не мог любить женщин, зная, что ему нравятся мужчины. Если вся семья не согласится, он покинет дом. В любом случае, у него эта трудность. Если его заставят жениться на женщине, он позволит людям охранять пустую комнату всю

жизнь. Поэтому лучше попросить их подождать, пока он найдет человека, которому доверит всю свою жизнь, и проживет с ним всю жизнь.

Слушая это, Тянь Юань потерял дар речи.

Такая абсурдная вещь, только бесстыдный Пань Лэй мог сделать подобное. Посметь напугать всю семью своей гомосексуальностью? Думает ли он, что люди неграмотны, поэтому он бесстыдно использует их?

Принимая во внимание личность, которая ничего не боялась ни на небе, ни на земле, он действительно испугался бы, если его "инструмент" не может встать? Очень хитро. Он выдвинул свои проблемы со стариком, даже зная, что семье Пань не хватает мужского потомства. Он намеренно пытался запугать отца?

Его мать — президент (госпиталя), и уж точно не поверит в такую ерунду. Каким бы бесстыдным он ни был, разоблачение его постановки было бы пустой тратой энергии.

Внутри комнаты, заполненной мужчинами, женщинами, молодыми и старыми, которые в основном все серьезные и старомодные люди, он осмелился говорить о мастурбации? И плюс ко всему этому, он сказал, что у него эрекция? Он действительно ультра-бесстыдный.

— Его отец не забил его до смерти? — Спросил Тянь Юань.

— Там сидел мой дедушка. Кто посмел бы к нему прикоснуться? Мы, молодое поколение, коллективно переносили собственный смех, не пуская его наружу. Но лица старшего поколения были невероятно искажены. Моя бабушка и дедушка были обмануты. Они действительно верили Лей Цзы. Моя бабушка обняла его, плача, потому что ей было очень больно видеть своего плачущего внука. Дедушка махнул большой рукой и спросил третью тетю, можно ли вылечить эту болезнь. Лицо третьей тети перекошило при этом вопросе, потому что она понимала, что это врожденное. Это не болезнь и не неврологическая проблема. Поэтому ее нельзя вылечить. В результате против воли появилась трещина в любви семьи к Лей Цзы, но этого было едва достаточно, чтобы положить конец нашим семейным связям с ним. Моя третья тетя все еще чувствовала себя подавленной, и, взвесив этот вопрос, она могла только покачать головой. Мой дедушка подумал, что это неизлечимый недуг. Так как его нельзя вылечить, то зачем об этом беспокоиться? Нет необходимости в неловкости для Лей Цзы. Дед тут же заговорил на месте. Никто не должен усложнять жизнь Лей Цзы. Никто не может заставить его жениться. Никто не может давить на него. Любит ли он мужчин или женщин, никто не должен заботиться об этом. Что бы ни случилось с этим ребенком, наши бабушка и дедушка доставили его в этот мир. Никому не позволено запугивать человека, который будет с ним в будущем. Этот вопрос имел такое решение.

<http://bllate.org/book/15664/1401665>